

9. О специальных учреждениях города Москвы для содержания иностранных граждан, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации: Закон г. Москвы от 8 декабря 2004 г. № 84 // Тверская, 13. 2004. 28 декабря.

10. Жеребцов, А.Н. Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 13 – 18.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО (КОЛЛИЗИОННОГО) ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: МИХАИЛ ИГНАТЬЕВИЧ МЫШ

*Ю.А. Комнатная,
г. Белгород, Россия*

Сегодня, при таком бурном развитии международных отношений возникает все больше вопросов, каким отраслям права подвластно регулирование трансграничных частных отношений, какими нормами пользоваться при разрешении возникающих конфликтов. Отсутствие согласованности между государствами по данной проблеме порождает многочисленные правовые ошибки, создает впечатление беспомощности.

Традиционно конфликты подобного рода разрешаются с помощью коллизионных норм, входящих в основу международного частного права. Однако до сих пор в науке существует несогласованность в отношении определения понятия и места коллизионного права в системе права. Отсутствие однозначных ответов, порождает необходимость в выяснении природы и значения как коллизионного, так и международного частного права, играющего ведущую роль в устранении возможных столкновений иностранных правопорядков.

Однако, обратившись и к законодательству, и к доктринальным разработкам по данному вопросу, можно сразу же установить противоречие воли законодателя с мнением большинства ведущих ученых. Современные авторы в основной своей массе утверждают, что понятие и природа коллизионного права – это предмет дискуссионный. Законодатель, расположив основную часть коллизионных норм в третьей части Гражданского кодекса, однозначно установил коллизионное право как структурный элемент гражданского права. Однако именно эти несоответствия, с кажущейся безобидностью, порождают множество толков о реальном действии коллизионных норм и возможности их применения.

При этом стоит отметить, что законодательство в данной области неоспоримо находится под воздействием научной мысли. Доктрина в полной мере обеспечивает законодателя правовыми понятиями, применяемыми в сфере регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом. Именно в данной правовой области теория играет значительную роль, как при определении характера регулируемых отношений и применения коллизионных норм, так и в случае использования аналогии закона и аналогии права, которые не редкость при разрешении конфликтов международного характера. Ряд ученых прямо указывают на необходимость принимать во внимание достижения научной мысли в области коллизионного регулирования.

С целью выяснения первопричины этих дискуссий необходимо обратиться к истории возникновения и развития отечественной доктрины о международном частном праве и, в первую очередь, его понятия и предмета правового регулирования. При всех достижениях современной юриспруденции ни коллизионное право, ни международное частное право не обрело общепризнанного определения и однозначного места в системе права. Отдельной проблемой является не только отсутствие системности в понятийном ряду коллизионного права, но и подмена, а также смешение понятий.

Начиная с XIII века, в европейской правовой доктрине получила свое развитие статутная теория, закрепленная в законодательстве многих государств. Однако с 1834 года, после введения в научный оборот термина «международное частное право», теория стату-

тов постепенно утратила свое значение. Зародилось множество научных школ международного частного права: итальянская, французская, немецкая и др. Однако о российской школе международного частного права заявлено не было, несмотря на попытки Ф.Ф. Мартенса [1, с. 302-315] и П.Е. Казанского [2, с. 502-512] зарекомендовать себя, как авторов оригинальных теорий международного частного права.

Между тем, все ведущие ученые дореволюционного периода старались в своих курсах отразить все новейшие научные разработки в области коллизионного регулирования. Активную позицию в данном вопросе, естественно, занимали юристы-международники. Во второй половине XIX века вопросы международного частного права традиционно раскрывались в курсах по международному праву М.Н. Капустина [3, с. 71-80], А.Н. Стоянова [4, с. 370-376], В.П. Даневского [5, с. 15-21], И.А. Овчинникова [6, с.19-20], О.О. Эйхельмана [7, с. 111-119] и многих других. К концу XIX века проблемами международного частного права всерьез заинтересовались и цивилисты. После К.И. Мальшева, предложившего в 1878 году двойную коллизионную теорию – наличие самостоятельных внутриколлизионного и международного частного права [8, с. 136-149], проблематика коллизионного регулирования в работах цивилистов практически не затрагивалась.

В период замалчивания проблемы коллизионного регулирования в цивилистической науке вышла целая серия статей Михаила Игнатьевича Мыша (1846 – 19?), посвященная практическим вопросам международного частного права. М.И. Мыш родился в 1846 г. в м. Корце Волынской губернии в бедной семье. Окончил корецкое казенное еврейское училище, поступив после в дворянское училище в Острого. Высшее образование М.И. Мыш получил на юридическом факультете в университете Св. Владимира в Киеве. С 1876 г. осуществлял деятельность присяжного поверенного.

Занимаясь вопросами правового статуса евреев в Российской империи, отдельной интересующей присяжного поверенного темой стало правовое положение иностранцев, а так как политическими и другим публичными правами иностранцы ни в одном государстве не обладали, то его исследование свелось к конкретизации гражданско-правового положения подданных зарубежных стран. Исходя из тематики его статей, можно смело предположить, что автор признавал наличие международного частного права, и, кроме того, относил все гражданско-правовые отношения с участием иностранного элемента, начиная с определения правосубъектности, к его предмету.

Статьи М.И. Мыша вышли под общим названием: «Закон и кассационная практика по вопросам частного международного права» [9; 10]. Рассмотрение проблемы автор начал с выяснения возможности и необходимости применения иностранных законов, а также признания актов, совершенных за границей, отмечая, что «не найдется ни одного цивилизованного правительства, которое отказало бы в признании, в известных случаях, и силы иностранных законов и совершенных за границей актов» [9, с. 2]. Данное признание, по мнению ученого, есть необходимость охраны международного оборота, как юридического, так и экономического. К предмету международного частного права, М.И. Мыш относит вопросы: «1) правоспособности иностранцев; 2) несостоятельности; 3) актов, совершенных за границей; 4) права судебной защиты; 5) исполнения судебных решений иностранных государств и их законной силы, и 6) карательных взысканий» [9, с. 2]. Что дает возможность несколько по-новому взглянуть на круг правоотношений, подпадающих под регулирование коллизионного права. Впервые после Н.С. Де Галета [11, с. 48-49] вопросы банкротства вновь включены в предмет международного частного права. Ученый настаивал на данном включении в связи с тем, что «объявление несостоятельности основывается на определении суда, необязательном в пределах территории другого государства, если определение это не приведено в установленном порядке в исполнении в сем последнем (государстве), имеют своим последствием то, что несостоятельность, объявленная в одном государстве, не имеет сама по себе значения в другом» [9, с.13]. Это стало достаточно интересным предложением, так как в теории этот вопрос практически не затрагивался, а в действительности имел колоссальное значение для поддержания стабиль-

ности в международном обороте. Нежелание особо рассматривать такого рода отношения в области коллизионного права, а также выработать по данному вопросу единообразные правила, по мнению ученого, могло привести к неблагоприятным последствиям. Тем самым, М.И. Мыш показывал не только несовершенство законодательства по данному вопросу, но и недоработки теоретиков разного порядка, которые упустили из виду эту группу имущественных отношений. Не затрагивая проблемы действия закона в пространстве, ученый сразу приступил к рассмотрению проблемы определения правоспособности иностранцев, отмечая лояльность российского гражданского законодательства, предоставившего иностранным гражданам, кроме евреев, максимум имущественных прав. В отношении дееспособности автор, делая сравнительный анализ норм французского, австрийского, саксонского и прусского гражданских уложений, пришел к выводу, что отечественное гражданское законодательство достаточно однообразно решило этот вопрос, зафиксировав только одно правило: «Оно регулирует лишь право и дееспособность иностранцев, находящихся в России» [9, с. 5]. Касательно правила *locus regit actum*, ученый утверждал, что оно является «одним из коренных правил международного права» [9, с. 19]. Относительно практического значения этого правила, М.И. Мыш замечает следующее: «так как русский суд не обязан знать иностранных законов... то суду предоставлено право просить министерство иностранных дел войти в сношение с подлежащим иностранным правительством о доставлении заключения по возникшему вопросу» [9, с. 27]. Данная норма российского законодательства доказывает практическую применимость теоретических положений, предлагаемых исследователями коллизионного права.

В доказательство того, что отечественное законодательство не отстает от законодательств других цивилизованных государств, М.И. Мыш отмечал, что «право иностранцев пользуется повсеместно судебной защитой» [10, с. 1]. При этом он настаивал на том, что иностранцы, обращаясь к содействию суда должны подчиняться законам страны суда. Кроме того, ученый рассматривал особенности обращения в суд не только физических, но и юридических лиц, так или иначе, вступивших в отношения, регулируемые международным частным правом, конкретизируя не только предмет международного частного права, но и его субъектный состав. Практическое значение положений коллизионного права раскрывалось автором и через обязательность исполнения решений судов иностранных государств, что является, по его мнению, достаточно сложным вопросом, который «составляет предмет давнишних споров юристов» [10, с. 23]. При этом ссылаясь на Ф.Ф. Мартенса, М.И. Мыш писал: «Отрицать эту обязанность равносильно отрицанию частного международного права» [10, с. 24].

Богатый практический материал позволил ученому предложить более совершенные коллизионные правила, рассмотреть их в действии, дополнить круг вопросов, относящихся к предмету коллизионного права, кроме того, наличие конкретных примеров по каждому виду отношений дало возможность детально исследовать эту сферу. Работы М.И. Мыша, ставшие отражением российской действительности конца XIX века, являются бесценным материалом, так как они содержат исключительно практические замечания применения тех или иных коллизионных норм. Кроме того, все труды включают объективные абстрактные обоснования, позволяющие связать теорию с практикой. На основании цивилистической казуистики М.И. Мыш обосновал расширение предмета правового регулирования международного частного права, включив в него обширный круг вопросов, затрагивающих процессы трансграничного банкротства. Им была раскрыта проблематика правоотношений с участием юридических лиц, которые законодательно не были закреплены как участники частных отношений, осложненных международным характером. Оказалось, что правовое положение иностранных юридических лиц, законом напрямую не регулируется, кассационная практика, дающая разъяснения по законодательству, также отсутствовала. Имелся лишь комментарий по данному вопросу Б.Э. Нольде, согласно которому «иностранцы, а, следовательно, и иностранные юридические лица, пользуются защитой и покровительством российских законов» [12, с. 51]. Однако примечание 2 ст. 2139 Граж-

данских законов, в соответствии с соглашениями с Францией 1863 г. и с Бельгией 1865 г. содержало следующее: «Французские акционерные (анонимные) общества и другие товарищества торговые, промышленные и финансовые, учрежденные во Франции и называемые товариществами с ограниченной ответственностью, могут пользоваться в России всеми их правами и в том числе правами судебной защиты, сообразуясь с русскими законами. Акционерные (анонимные) общества и другие товарищества торговые, промышленные и финансовые, учрежденные в Бельгии с дозволения тамошнего правительства, могут пользоваться в России всеми их правами и в том числе правами судебной защиты, сообразуясь с русскими законами, если подобные общества и товарищества, законоучрежденные в Российской Империи, будут пользоваться одинаковыми правами в Бельгии. Министру Иностранных Дел предоставляется право заключать соглашения с Министрами Торговли и Промышленности и Финансов, по принадлежности, такие же условия и с другими иностранными державами, не испрашивая на сие каждый раз особого разрешения в законодательном порядке» [13, с. 153]. Данная проблематика также нашла свое отражение в работах М.И. Мыша.

Таким образом, ученый представил оригинальную систематику международного частного права, а глубокие познания иностранных законов, позволили ему провести детальное сравнение действующих норм коллизионного права. Делая акцент на процедурном характере коллизионных норм, М.И. Мыш отмечал их нецивилистическую направленность. Однако несмотря на замечания относительно международных начал многих коллизионных привязок, можно считать М.И. Мыша приверженцем процессуально-практического подхода в определении природы международного частного права. При этом нельзя четко сказать о том, к какой правовой системе относил М.И. Мыш международное частное право. Однако учитывая, что за основу сравнительного анализа им брались нормы национальных законодательств, скорее всего он рассматривал международное частное право в контексте национально-правового цивилистического направления.

Несмотря на то, что М.И. Мыш не подготовил ни одной монографической работы по международному частному праву, его научные статьи, представляющие собой обзор кассационной практики, оставили заметный след в отечественной правовой науке. Благодаря обширному практическому материалу теория международного частного права была раскрыта им не как совокупность абстрактных понятий, а как система знаний, необходимая для решения сверхважных задач в урегулировании частных трансграничных правоотношений. Таким образом, можно утверждать о значительном вкладе работ М.И. Мыша в отечественную доктрину международного частного права на дореволюционном этапе его развития.

Литература

1. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. СПб. 1900.
2. Казанский П.Е. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса. 1904.
3. Капустин М.Н. Международное право: конспект лекций. Ярославль. 1873.
4. Стоянов А.Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков. 1875.
5. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. II. Харьков. 1892.
6. Овчинников И.А. Международное право. Общая часть. СПб., 1905.
7. Эйхельман О.О. Очерки из лекций по международному праву. Киев. 1900.
8. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. СПб. 1878.
9. Мыш М.И. Закон и кассационная практика по вопросам частного международного права // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 7. 1885. С. 1-60.
10. Мыш М.И. Закон и кассационная практика по вопросам частного международного права // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 8. 1885. С. 1-53.
11. Де Галет Н.С. Международное право. СПб., 1860.
12. Нольде Б.Э. Очерк международного частного права. 1908.
13. Свод Законов Российской Империи Т. X. СПб., 1912.